

Едва голос ученика затих, как Минну шагнул в прохладу зала.

Внутри один за другим горели яркие светильники. Из курительницы тянулся тонкий сизый дымок благовоний. За резным столом из красного сандала Минну еще издали слышал голос Мэй Ханьцзюэ.

— Третье Высочество изволит развлекаться с изысканным вкусом, раз сегодня пригласил нас двоих...

Во главе стола восседал Цзинь Линсянь, а чуть поодаль расположились Цзян Сюэхэ и Мэй Ханьцзюэ.

Оборвав фразу на полуслове, Мэй Ханьцзюэ повернулся и окинул вошедшего Минну долгим взглядом.

— Нуну, подойди, — позвал Цзинь Линсянь.

Он, конечно, сразу заметил юношу. С тех пор как Минну стал ежедневно читать ему стихи перед сном, принц, поначалу согласившийся на это лишь ради забавы, наконец-то начал засыпать без труда, и нрав его заметно смягчился.

Ровный, лишенный всяких интонаций голос звучал странно в устах шестнадцатилетнего юноши. С трудом подавив вспыхнувшее внутри отвращение, Минну почувствовал, как к нему приковались сразу несколько взглядов.

Их расселили по разным местам: Цзян Сюэхэ с Мэй Ханьцзюэ занимали Южный двор, так что за последние дни они ни разу не пересекались.

Обычно все обращались друг к другу по именам, и то, что принц ласково назвал юношу «Нуну», заставило Мэй Ханьцзюэ прищуриться — в его глазах промелькнуло лукавое понимание.

Слегка склонив голову, Минну послушно подошел и опустился на циновку подле Цзинь Линсяня — это место словно приготовили специально для него.

Юноша робко приподнял веки и на мгновение встретился глазами с Цзян Сюэхэ. Однако тот лишь безучастно скользнул по нему взором и тут же отвернулся.

— Ваше Высочество, а это?.. — с улыбкой полюбопытствовал Мэй Ханьцзюэ.

Цзинь Линсянь слегка повернул голову. Перед Минну уже стояли пиалы с чаем и изысканные лакомства. Юноша сидел на коленях; мягкие черты его лица и кроткий, робкий взгляд оленьих глаз делали его похожим на беззащитного, покорного ягненка.

Сам же Минну незаметно впился ногтями в ладони. Мэй Ханьцзюэ притворялся: они ведь виделись совсем недавно, и тот прекрасно знал, кто перед ним стоит. Подобный вопрос преследовал лишь одну цель — вывести, кем они приходятся друг другу.

— Мой младший соученик, — небрежно ответил принц.

Они действительно учились у одного наставника и жили под одной крышей, так что ложью это не было.

Мэй Ханьцзюэ удивленно приподнял бровь. Его взгляд скользнул с одного на другого, а затем переместился на Цзян Сюэхэ. Заметив, что тот сидит неподвижно, словно изваяние, он понимающе усмехнулся и больше не докучал расспросами.

— Немногим выпадает честь зваться вашим соучеником, Ваше Высочество. И все же зачем вы позвали нас сегодня? Мы с Цзян Сюэхэ живем в Южном дворе и вряд ли сможем оказать вам какую-то услугу.

Минну молча прислушивался к их беседе. В мыслях у него все еще крутилось предупреждение стоявшего у дверей слуги: сегодня его заставят петь. Но он ведь не знал ни одной мелодии!

В памяти невольно всплыли картины из прошлого. Во время Великого состязания бессмертных орденов из покоев Третьего принца то и дело выносили юношей и девушек — искалеченных, измученных до полусмерти, потерявших человеческий облик.

— Оставим пока дела, — отмахнулся Цзинь Линсянь. — Я позвал вас просто развлечься. Слышал, в клане Цзян царят суровые порядки. Доводилось ли вам дома бывать в заведениях для утех?

Минну весь обратился в слух. Сам он никогда не знал, как проводит время его названный брат, ведь госпожа Цзян держала сына в ежовых рукавицах. Скорее всего, тот и шагу не мог ступить в подобные места.

— Не доводилось, — ровно ответил Цзян Сюэхэ.

Сегодня они пришли сюда лишь из вежливости к царственной особе. Один держался холодно и отстраненно, другой скрывал мысли за приветливой маской «улыбающегося тигра», но оба выжидали, когда хозяин наконец раскроет свои истинные карты.

— Что ж, в таком случае сегодня тебе стоит хорошенько осмотреться, младший брат Цзян.

По знаку принца слуги ввели в зал танцовщиц и музыкантов. Послышался нежный перебор струн, и прекрасные девы в полупрозрачных шелках, с алыми точками киновари у висков, грациозно скользнули к гостям, чтобы наполнить их кубки.

— И не засматривайся на них, — негромко бросил Цзинь Линсянь, оборачиваясь к Минну. — Тебе вино пить нельзя, побереги пока голос.

Минну сидел ни жив ни мертв. Он послушно поднял пиалу, лишь пригубил остывающий чай и поставил обратно, так и не сделав ни глотка.

Когда танцовщица приблизилась, Мэй Ханьцзюэ с легким поклоном принял кубок. Дети из великих кланов выросли рано: с малых лет наблюдая за светской жизнью, они в совершенстве владели искусством придворного этикета, словно впитывая эти манеры с молоком матери.

— Благодарю, — мягко улыбнулся он.

Красавица смущенно покраснела и робко присела у его колен.

Но едва другая дева приблизилась к Цзян Сюэхэ, тот лишь окинул ее мимолетным взглядом. Его красивое, безупречное лицо оставалось бесстрастным, а в глубине темных глаз сквозила такая леденящая стужа, что к нему страшно было даже подступить.

Девушке случалось убаживать самых разных, порой чрезвычайно надменных господ, но под этим взглядом она невольно робела. В то же время благородная, ослепительная красота молодого заклинателя лишала ее дара речи.

— Молодой господин Цзян... — робко прошептала она.

Стоило ей заговорить, как Цзян Сюэхэ вновь посмотрел на нее. Его темно-карие глаза были неподвижны и бездонны, напоминая затянутый ряской лесной омут.

— Не нужно, — отрезал он.

Танцовщица растерялась и торопливо отпрянула. Будь на его месте кто-то другой, она бы попыталась выказать настойчивость, но этот юноша казался неприступным божеством, рядом с которым любая попытка кокетства выглядела бы жалким святотатством.

— Во время недавнего испытания в тайном царстве мы так и не встретили Ваше Высочество. Ходят слухи, вы нашли какой-то иной путь? — поинтересовался Мэй Ханьцзюэ.

— В том краю множество дорог наружу, — лениво отозвался принц. — Мне просто посчастливилось набрести на древний круг перемещения. И, к слову говоря, дело, ради которого я вас призвал, напрямую связано с древними техниками.

Мэй Ханьцзюэ медленно опустил кубок. В мыслях Минну тоже забрезжили смутные

воспоминания, и он машинально отставил пиалу в сторону.

— Слушаю вас, Ваше Высочество, — посерьезнел Мэй Ханьцзюэ.

— Во время следующего испытания, которое ждет нас в будущем месяце, старший брат Сунцзин отправит учеников на простые задания в мир смертных. Скорее всего, нас пошлют в окрестности Города Колокола и Барабана. Мне нужна одна вещица, сокрытая там. Если вы двое поможете ее отыскать, я щедро отплачу вам и предложу равноценный обмен.

Сделка с любимым сыном императора сулила огромную выгоду. Мэй Ханьцзюэ сразу понял, к чему клонит принц: такое соглашение устроило бы обе стороны.

— Что именно вы ищете, Ваше Высочество? Мы с Цзян Сюэхэ еще даже не переступили порог школы заклинателей, наши силы ничтожны. Боюсь, как бы нам не пришлось вернуться ни с чем.

— От вас требуется лишь приложить все усилия, — отрезал Цзинь Линсянь. — Мне нужна... Холодная яшмовая трава.

Услышав это название, Минну чуть не выронил пиалу. Холодная яшмовая трава была легендарной редкостью — она позволяла перестроить и укрепить даже давно сформированные духовные каналы, а также исцеляла любые хвори в мире смертных.

Мэй Ханьцзюэ на мгновение лишился дара речи, но быстро взял себя в руки и с улыбкой спросил:

— Неужели Ваше Высочество так легко доверяет нам столь ценные сведения?

Это растение считалось мифом, и Минну даже представить не мог, что принцу удастся разузнать, где оно сокрыто. К тому же, если память не обманывала его, в прошлой жизни именно в начале весны Цзян Сюэхэ получил страшное ранение.

Тогда весь удар напроць перешел на Минну по их невидимой связи: его собственный живот распорол так, что он трое суток пролежал без чувств от невыносимой боли. Рана затягивалась долгих два месяца, оставив после себя уродливый глубокий шрам.

"Должно быть, то увечье он получил во время испытания", — Минну украдкой покосился на сидящего неподалеку Цзян Сюэхэ. В глубине его души шевельнулось мрачное предвкусение: кажется, судьба наконец давала ему шанс.

На вылазках всегда полно нечисти. Ему даже не придется марать руки — достаточно будет приманить тварей покрупнее к раненому и беспомощному Цзян Сюэхэ.

— Холодная яшмовая трава редка, но все же заменима, — спокойно пояснил Цзинь Линсянь. — Я ищу ее по просьбе старшего брата. Если вы поможете мне, я сочту себя вашим должником. И когда вам самим потребуется услуга, вы сможете потребовать с меня долг в любое время.

Обещание принца дорогого стоило — подобные обязательства в мире заклинателей ценились на вес золота.

— Ваше Высочество слишком щедры, — ответил Мэй Ханьцзюэ, переглянувшись с молчаливым напарником. Заметив, что Цзян Сюэхэ не выражает возражений, он вновь повернулся к принцу: — Раз вы просите, мы сделаем все, что в наших силах.

Цзинь Линсянь пригубил из своего кубка. Вино было легким, но Минну все равно почувствовал приторно-сладкий аромат хмеля, когда чужая ладонь бесцеремонно легла ему на талию, а горячее дыхание коснулось щеки.

— Слышал, Нуну? — вкрадчиво прошептал принц прямо ему на ухо. — Наши гости согласны. Раз уж сегодня к нам заглянули столь благородные господа, почему бы тебе не спеть для них?

Минну поднял голову и столкнулся с хищным, ястребиным взглядом принца. За напускным радушием скрывались жестокость и ледяная ярость. Откажи он сейчас — и вряд ли покинет этот зал невредимым.

— Ваше Высочество, я совсем не умею петь, — искренне признался Минну, опустив ресницы.

В его покорной позе сквозила такая хрупкость, что любой невольно проникся бы к нему жалостью.

Мэй Ханьцзюэ с нескрываемым любопытством наблюдал за происходящим. Он отлично помнил, как отчаянно умолял его Минну всего пару дней назад, а теперь юноша вел себя так, словно они впервые видят друг друга.

"Какая занимательная разыгрывается драма", — подумал он.

На ладонях Минну выступил холодный пот. Он действительно не знал песен, а ведь Цзян Сюэхэ сидел совсем рядом и слышал каждое слово. Что он о нем подумает? Минну выставили здесь на посмеище, словно дешевую девку из борделя, подвергая публичному унижению.

Там, внизу, сидел законный наследник великого клана Цзян, перед которым заискивали все вокруг и которого сам наследный принц Цзиньлина принимал как почетного гостя. А он, Минну, будучи воспитанником того же дома, был низведен до роли шута, обязанного развлекать господ пением ради чужой прихоти.

Юноша невольно посмотрел на Цзян Сюэхэ. Лицо того оставалось все столь же безучастным.

Он сидел с каменным выражением лица, верный своему правилу никогда не вмешиваться в чужие дела.

Образ брата в эту секунду полностью слился с воспоминаниями из прошлого. Цзян Сюэхэ всегда был таким — холодным, глухим к чужой беде, не знающим ни жалости, ни вины за причиненные страдания.

— Раз Ваше Высочество желает, я попробую, — глухо произнес Минну.

Равнодушие названного брата отозвалось в груди жгучей обидой, точно в костер плеснули масла.

Цзинь Линсянь, разумеется, перехватил этот взгляд и тихо спросил:

— Он тебе интересен?

— Молодой господин Цзян кажется столь чистым и возвышенным, что я просто проявил любопытство, — Минну поспешно отвел глаза. — Интересно, найдется ли в поднебесной та, кто сможет растопить его сердце.

Принц насмешливо фыркнул, глянул на Цзян Сюэхэ и покровительственно похлопал Минну по бедру.

— Лучше беспокойся о собственной шкуре. Если споешь плохо — пеняй на себя, я спуска не дам.

Еще минуту назад он великодушно именовал юношу соучеником, а теперь обращался с ним как с провинившимся рабом.

— Прошу простить мне мою неумелость, — тихо проговорил Минну. — Я родом из Цзяньчжоу и знаю лишь несколько простых напевов южных краев.

Лютнисты сменили лад, заиграв медленнее и плавнее. На юге любили тихие, нежные мелодии. За годы, проведенные в ордене в прошлой жизни, Минну не раз слышал их, но лучше всего помнил «Ропот реки Сянцзян».

— Мечтал я вернуться в родимый приют, но хмель одолел на горе Персиковых древ... В лазурных холмах тропы к дому ведут, да тонет дорога в тумане болот... Откуда мне знать, что сокрыт в сердце лед? Прости же любви моей вечный порыв...

Его мягкий голос ложился на струнный перебор удивительно чисто. И пускай Минну никогда не обучался искусству пения, напеваемые им по памяти строчки звучали плавно и нежно,

подобно прохладному лесному ручью, журчащему среди камней.

Голос сливался со звуками лютни, из-под пальцев музыканта медленно лились печальные созвучия. В этой робкой, слегка неуверенной манере крылось нечто столь щемящее, что оно невольно задевало самые тонкие струны души каждого слушателя.

Склонив голову и опустив длинные густые ресницы, юноша казался воплощением хрупкости. Печальный мотив словно окутал его дымкой светлой грусти, а ясные, чистые глаза на миг подернулись ледяной поволокой, словно застывшее зимнее озеро, сливаясь воедино с угасающей песней.

— И коли родиться мне вновь суждено, я в прошлое взгляд не верну никогда...

Минну сам подивился тому, как крепко врезались в его память эти слова — верно, в прошлой жизни он слишком часто слышал этот напев. Когда последние звуки растаяли под сводами зала, он, погруженный в свои мысли, не сразу понял, что кто-то пристально на него смотрит.

Вскинув голову, он натолкнулся на тяжелый взгляд Цзинь Линсяня, в глубине которого угадывалась какая-то затаенная, темная тоска.

<http://bllate.org/book/20439/2132659>